

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ПОЛИТИКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается одна из важнейших и дискутируемых тем современной политической теории – проблема профессиональной этики политика. Автор выстраивает ряд исследовательских линий: нравственные и политические аспекты профессиональной этики политика, политические добродетели и добродетель справедливости, соотношение прагматических и нравственных сторон политической деятельности, взаимосвязь профессиональной этики и личной нравственности политика.

Проблемы профессиональной этики политика в контексте трансформационных процессов, переживаемых Россией, приобретают особую актуальность и значимость.

На наш взгляд, дискурс алгоритма рассуждений о природе этики политика предполагает прежде всего постановку вопроса о том, существует ли профессиональная этика политика как самостоятельная область политической морали. Противники данной точки зрения полагают, что выстраивание какой-то отдельной профессиональной морали, в том числе и профессиональной морали политика, ослабляет значение уже сложившихся нравственных регулятивов и ценностей. Плюрализм же и многообразие ценностных и нравственно-этических представлений могут привести к моральному дуализму, к утере подлинных нравственных ориентиров, негативно сказаться на нравственной жизни и нравственной атмосфере общества в целом [1, с. 44-50].

Существует и другая точка зрения, которую мы обозначили бы как крайне релятивистскую. Согласно данному мнению, трансформирующееся российское общество допускает такой плюрализм, такое многообразие нравственных позиций, что говорить о некоем универсальном кредо, о некоей общей системе принципов более чем бессмысленно. Одна из наиболее характерных аргументаций обозначенного плана, в частности, формулируется следующим образом: «Сегодня каждый выбирает свою систему координат. И никто не вправе советовать другому в профессии жить так, как живет лично он. Возможно, это не очень хорошо. Возможно, это вообще сплошная анархия, недопустимая в демократическом

обществе. Но именно так оно и есть» [2, с. 166-167].

И та, и другая точки зрения, несмотря на их полярность, объединены отрицанием важнейшего ценностного ориентира – профессиональной этики. На наш взгляд, не присутствие, а именно отсутствие нравственных регулятивов в той или иной сфере профессиональной деятельности может привести к расшатыванию морального порядка как в данной сфере, так и в обществе в целом. От утверждений о том, что отсутствует специальная, имеющая свою предметную область профессиональная этика политика недалеко и до признания того, что для политики нет предпосланного ей морального консенсуса, что она вообще не регулируется никакими нравственными принципами и нормами. Эта позиция носит крайний характер и не отражает действительного положения дел. Господство в политике аморализма, нарушение политиками достигнутых договоренностей, склонность к принятию решений на основе детабуации насилия могут привести к значительным потерям, внести весомый вклад в создание кризисной ситуации в обществе.

Кроме того, в политике воплощаются различные ситуации, многообразие которых бывает довольно сложно предвидеть. Конкретные и неповторимые условия политической деятельности предполагают индивидуальную мотивацию и индивидуальный выбор, основанные на морально-психологических качествах личности. Вариативность ситуаций, из которых соткан политический процесс, предполагает формирование этики, которая получила название «ситуативной». Именно в конкретных случаях в большей мере проявляются моральные качества

субъектов политической деятельности. Понимаемая в таком контексте профессиональная этика политика выполняет важнейшую функцию – функцию повышения эффективности политической деятельности как специализированного вида деятельности.

Известный западный социолог Н. Луман специально оговаривает то обстоятельство, что в условиях нарастания дифференциации общества нравственным нормам становится довольно сложно выполнять свою универсальную регулятивную функцию. Процессы становления новых подсистем сопровождаются возникновением затруднений с двузначным кодированием «хорошо», «плохо», формированием «парадоксов морального кода» [3, с.72]. Для разрешения названного противоречия необходимо, по мнению Лумана, «доразвитие» морали или преобразование ее применительно к той или иной прилагаемой сфере, т. е. речь идет именно о творческом развитии нравственных норм. Тем самым немецкий социолог снимает вопрос о простом воспроизводстве в регулятивах подсистемы характеристик общей морали. Соглашаясь с позицией Лумана, мы полагаем, что неизбежность существования профессиональной этики политика определяется необходимостью морального измерения природы политической профессии. В этом плане профессиональная этика политика развивает и конкретизирует общие моральные нормы.

Выяснение правил поведения политика нередко сводится к определению политических добродетелей и характеристике моральных качеств, которыми должен обладать человек, избравший политику своей профессией. Вместе с тем мы не можем не согласиться с А. Швейцером в том, что «простое перечисление добродетелей и обязанностей подобно брэнчанию на рояле с претензией на настоящее музицирование» [4, с. 116-117].

Действительно, подобное перечисление можно осуществлять до бесконечности, и в конечном счете дело не только в политических добродетелях как таковых, а в наличии в профессиональной этике мировоззренческого, экзистенциального уровня. Последний проявляется в личностном отношении к

нравственным оценкам и нормам, в наличии некоего мотивационного ядра, обосновывающего неизбежность следования по пути добродетелей. Это то, что интегрируется Вебером в понятие профессионального призвания как свидетельства истинного профессионализма политика. Политик должен не просто следовать тем или иным нормам, но осуществлять на практике некоторые сверхнормативные требования. Он обязан не только хорошо выполнять свои должностные, функциональные обязанности (добросовестно выполнять наказания избирателей, неукоснительно следовать решениям своей партии, соблюдать парламентскую и партийную этику и т. д.), но и реализовывать на практике требования, относящиеся к смыслообразующим основаниям политической деятельности. В данном случае речь идет о воплощении в практической деятельности некоторых политических ценностей. Их включенность в ценностную сетку профессиональной этики политика является своеобразным критерием ее соответствия морали как таковой.

Движение к базовым политическим целям не следует понимать статически, оно может быть осмыслено и воплощено на практике только в динамическом контексте. Их следует претворять в действительности, исходя из необходимости реализации конкретных, частных политических задач, учитывающих особенности условий и времени, благоприятных и неблагоприятных предпосылок и факторов практической реализации. Как отмечает В.Н. Назаров, всеобщее благо, стремление к которому определяется им как главный нравственный ориентир политической деятельности, «подразумевает не нечто объективно неопределенное, а исторически находимый оптимум» [5, с. 127].

В последние годы количество людей, воспринимающих принадлежность к профессии как высокое служение делу, значительно уменьшилось. По справедливому замечанию В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, «их доля в общем массиве профессионалов становится менее заметной, в меньшей степени оказывается объектом морального выбора» [6, с. 11]. Можно выделить следующие причины, объясняющие сложившуюся ситу-

ацию. Во-первых, наше общество переживает довольно непростые времена кризисного состояния духовно-нравственных ценностей; призвание нередко уступает место прозаическому функционализму и прагматизму. Впрочем, об аналогичных тенденциях в своих странах пишут и западные авторы. Так, в одном из известных исследований указывается, что «современному либеральному индивиду редко случается задаваться вопросом: не должен ли я как хороший гражданин постараться улучшить с помощью своего разума и горячей заинтересованности ход событий» [7, р. 72]. Во-вторых, рыночная трансформация создает условия для вариативного решения проблемы выбора профессии, личность становится в меньшей мере прикрепленной к исходной профессии, более мобильной в плане смены одного вида трудовой деятельности другим. В-третьих, служение профессии не поддается тиражированию, ибо предполагает не просто наличие тех или иных качеств, но особое проявление этих качеств, граничащее с талантом.

Следует отметить, что хотя этика добродетели в целом является самой разработанной теорией морали, имеющей давние традиции, в современной литературе не существует сложившихся, устойчивых представлений о добродетелях политического деятеля. А.С. Панарин особо акцентирует внимание на способности политика быть честным и вести открытую и беспристрастную игру [8, с. 149]. В.И. Назаров выделяет четыре кардинальные политические добродетели: политическую разумность, политическую справедливость, политическое мужество, политическое благоразумие [5, с. 130].

Комментируя предложенные известными учеными политические добродетели, можно отметить следующее. Честность политика, безусловно, – важнейшее морально-политическое качество. Однако взятая сама по себе, она вряд ли она исчерпывает существо политических добродетелей, поскольку мало стыкуется с профессионализмом как мериллом деловых качеств политика. Равным образом политическая разумность не может считаться собственно политической добродетелью. Разум, синонимичный знанию, спо-

собен служить в равной мере как утверждению ценностей справедливости, независимости, свободы, так и власти, понимаемой как насилие и господство над другими людьми. Нельзя не согласиться с В.М. Межуевым, который подчеркивает: «Если разум лишь знание механизмов политической деятельности, то тогда его вполне можно совместить с насилием» [9, с. 149].

На наш взгляд, можно выделить следующие моральные качества, являющиеся для политика основополагающими. Это добродетели справедливости, долга, ответственности и толерантности. Преимущества предлагаемого подхода заключаются в том, что: во-первых, они демонстрируют единство профессиональных и нравственных качеств в личности политика. От степени их претворения в практически-политической деятельности, но именно в синкретическом, слитном виде, во многом зависит достижение политических целей, политический успех и мера творческого самовыражения политика. Во-вторых, с нашей точки зрения, именно эти характеристики в большей мере способствуют самоорганизации профессии политика, формированию корпоративности как согласия в базовых ценностях. В-третьих, они соответствуют вызовам нашего времени, чрезвычайно сложного, динамичного, противоречивого, имеющего тенденцию к политическим конфликтам и использованию насилия. В-четвертых, именно эти принципы в большей мере демонстрируют единство внутреннего и внешнего: с одной стороны, внешней целесообразности, с другой стороны – активной саморегуляции поведения индивидов, принадлежащих к цеху, внутренними побудительными мотивами.

Думается, что справедливость в представленном ключе является началом, интегрирующим все остальные качества политического деятеля в одно целое. Пожалуй, не случайно современный социальный философ Дж. Роулз, автор наиболее известного труда по этой проблеме – «Теория справедливости» – сравнивает справедливость с истиной. Хотя вопрос о ее содержательном смысле достаточно сложен. Имея в виду эпистемологические трудности, возникающие на пути

определения справедливости, турецкий философ И. Кучуради специально оговаривает: «В течение двадцати пяти столетий на этот вопрос давались и все еще даются различные ответы, что приводит большинство из нас в недоумение. Всякая ли попытка ответить на этот вопрос обречена быть всего лишь одной из множества возможных?» [10, с. 17].

Говоря о справедливости как категории, следует иметь в виду, что, несмотря на достаточно вариативный характер ее толкования, в основе ее лежат принципы, восходящие во многом к аристотелевой традиции. Аристотель выделял дистрибутивную справедливость, заключающуюся в принципе воздаяния по заслугам (достоинству), и справедливость коммутативную, связанную с уравнением сторон, участвующих в обмене (достоинство не принимается в расчет). Аристотель, таким образом, уже закладывает предпосылки для понимания справедливости как воплощения равенства-неравенства. Сходные коннотаты мы прослеживаем у Роулза. В понимании американского социального философа справедливость распадается на два принципа: 1) каждый человек должен обладать равным правом в отношении наиболее обширной системы равных основных свобод, совместимой с подобными свободами для всех остальных людей; 2) социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, чтобы: а) от них можно было бы разумно ожидать преимущество для всех и б) доступ к положению и должностям был открыт всем [11, с. 67]. Таким образом, Роулз формулирует предпосылки для понимания неравенства как явления, которое может быть ограничено и, в конечном счете, преодолено.

Современный политик должен воплощать в своей практической деятельности такие принципы, которые исходят из необходимости реального равенства всех перед законом. Кроме того, признавая неизбежность конструктивного неравенства в распределении материальных и духовных благ, он должен создавать необходимые условия для его перспективного преодоления и, в конечном счете, пропорционального, соразмерного распределения. Только в том случае, когда

политик понимает необходимость утверждения справедливости как масштаба свободы личности и самого общества и систематически, шаг за шагом осуществляет мероприятия, направленные на их достижение, его деятельность может соответствовать интересам поступательного развития не отдельной группы, корпорации, а всего политического общества в целом.

Далее. Необходимость профессиональной этики политика для общества определяется тем, что в рамках ее допускается в отдельных случаях использование моратория на общепризнанную и непререкаемую императивность моральной нормы. Признавая, что самоорганизация политической сферы жизнедеятельности нередко выходит из-под морального контроля и моральные коды «хорошо / плохо», «добро / зло» действуют в политике далеко не всегда, считаем справедливой предлагаемую Луманом схему: «правило» / «исключение», когда мораль находит отдушину в том, что ставит строгие требования к допущению исключений» [3, с. 70]. Применительно к интересующей нас теме можно сказать, что профессиональная этика политика следит за отклонениями от нравственных норм, дает им оценку и, главное, стремится минимизировать исключения из правил до единичных случаев. Она разрешает те исключения из правил, которые претендуют на роль исключения из «правила, подтверждающего правило».

Имея в виду границы дозволенного в политике, В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов пишут о том, что политическая мораль «не имеет ханжеского характера, не накладывает ригористическое вето на хитроумные комбинации в политической игре, не запрещает маневрирования, своевременного умолчания о целях и замыслах обманчивых движений, не осуждает словесную и поведенческую жесткость, стремление политиков представить себя в выгодном свете, прибегнуть.. к политической рекламе, к популистским шагам» [12, с. 563]. О возможности морального компромисса, на который может пойти политик, писала и виднейший немецко-американский политолог Ханна Арендт, которая утверждала, что «обманы, поскольку они

нередко используются вместо более насильственных действий, можно считать относительно безвредными орудиями в арсенале политического действия» [13, р. 229].

Так, исходя из иерархии нравственных ценностей, профессиональная этика политика допускает известные отклонения от нравственности, и в частности применение «малого насилия» и «упреждающего насилия». Отступления от общих моральных норм в данном случае определяются своеобразием природы политики (конфликтность политики, инверсионность политического движения, несоответствие между целями и средствами политической деятельности, ориентация политики на эффективность, успех и т. д.).

Но где критерии, являющиеся основой разграничения «малого зла» и «большого зла», предпосылки, позволяющие отличить приемлемые исключения от недопустимых или определяющие предельное количество подобных исключений? Нельзя не согласиться с известным исследователем проблем насилия А.А. Гусейновым, который пишет о том, что «не существует единицы измерения насилия» [14, с. 22]. Кроме того, в современных условиях глобализации и интернационализации грань, отделяющая частное зло от вселенского зла, весьма хрупка и относительна. Что же касается упреждающего насилия, то в данном случае довольно сложно провести грань между намерением и действием, между возможностью осуществления насилия и самим насилием. Пока насилие практически не реализовано, нельзя однозначно утверждать, что оно будет непременно осуществлено, поэтому допустимость такой превентивной меры, как осуществление малого насилия с целью предотвращения большого насилия, довольно-таки небесспорна.

В конечном счете данная проблема возвращает нас к теме политико-мировоззренческих оснований деятельности политика. Именно они во многом определяют характер морального компромисса как наиболее сложного и тонкого акта морального выбора. Этот компромисс суть тактическое решение, принимая которое, политик не переходит грань между политической тактикой и

нарушением условий по политическим обязательствам, политической аутентичностью и политическим цинизмом, политической целесообразностью и неразборчивостью в средствах политической борьбы. Политическая этика отражает тот факт, что политик является субъектом морального выбора, выбора как акта моральной деятельности, исканий личности, выражающегося в сознательном предпочтении определенной системы ценностей, линии поведения, конкретного варианта поступка. Именно в этих ипостасях моральной деятельности, а не только в решении тех или иных повседневных шагов профессиональной деятельности заключается миссия профессиональной этики политика.

Следующий вопрос предполагает осмысление того, каково соотношение прагматических и нравственных аспектов профессиональной этики. Существует ряд профессий, в которых уровень собственно нравственного начала, несомненно, чрезвычайно высок и нравственно-этические соображения, интересы общего блага оказываются едва ли не доминирующими (врач, учитель, адвокат). Что же касается других профессий (политик, дипломат), то в них две стороны: нравственная и прагматическая – выступают в системе сложного, неоднозначного взаимодействия. Это обстоятельство достаточно четко обозначает политолог О.В. Гаман-Голутвина, которая пишет о том, что неправомерно утверждать, что «политика по определению безнравственна: здесь просто другой критерий нравственности. Мерилом нравственности в политике выступает соответствие национально-государственным интересам: курс, отвечающий интересам данной страны, квалифицируется как нравственная политика, а противоречащий – как аморальная» [15, с. 166].

Порождаемые политической деятельностью позитивные и негативные тенденции можно представить в виде цепочки антиномий. С одной стороны, утилитарно-прагматические смыслы, ориентация на выполнение политической программы, достижение политического успеха, реализация тех или иных политических целей имманентны политической деятельности и являются важнейшим

показателем ее эффективности. С другой стороны, абсолютизация прагматического начала как универсальной программы деятельности, сведение всего многообразия мотиваций в политической сфере к достижению политических целей во что бы то ни стало ведут к разрушительным тенденциям не только в самой политической сфере, но и в обществе в целом. С одной стороны, идеалы государственной, общественной и личной пользы являются важнейшими стимулами социального прогресса. С другой стороны, нарушение баланса этих идеалов становится причиной политической стагнации и политических кризисов. Наконец, с «одной стороны, утилитаристский принцип пользы человека можно рассматривать как значимый элемент гуманизма. С другой стороны, продуцируемые на основании этого принципа отношения взаимопользования, возведенные в абсолют, являются одним из факторов отчуждения личности, источником дегуманизации культуры» [16, с. 53].

Весьма большое значение в деятельности политика прагматических аспектов существенно актуализирует проблему диалектического соотношения их с нравственными аспектами. Данное обстоятельство связано с тем, что: во-первых, прагматические аспекты политической деятельности оказываются все же неразрывно связанными с нравственными началами. Абсолютное соответствие политики нравственности, т. е. забвение показателей ее результативности, эффективности во имя моральной аутентичности, не делает ее гуманной, ибо не приводит к динамичному развитию общества, политических отношений и, в конечном счете, решению проблем человека. Известный исследователь проблем политической философии И.И. Кравченко предельно заостряет проблему соотношения прагматического и нравственного в политической деятельности: «Политика не становится морально безупречной, если долг ограничивается только ее соответствием нравственным нормам, но исполнение его не дает политических результатов» [17, с. 188]. Кравченко считает необходимым учет того, что для политики существуют одновременно два долга: политичес-

кий и нравственный. При исполнении одного из них не получается политики, при исполнении другого не остается места для морали. «И если следование и тому, и другому долгу одновременно невозможно, то неизбежен выбор между ними, и политик, естественно, выбирает политику» [17, с. 188].

Во-вторых, с профессиями первого ряда профессию политика сближают повышенные моральные требования, предъявляемые к ней. Это связано с некоторыми основополагающими обстоятельствами:

– в профессии политического деятеля особенно актуализирована значимость права на распоряжение экономическими, социальными, культурно-информационными, силовыми ресурсами, права на принятие ответственных, судьбоносных для страны в целом и отдельного человека решений;

– характер данного вида деятельности рождает потребность в высокой согласованности действий. Политические отношения представляют собой взаимодействие различных политических сил, организаций и движений; от внутрикорпоративной солидарности зависят результативность не только совокупного дела, но и политический успех, отражающий частные интересы того или иного актора политического процесса;

– политическая деятельность не уместается в систему технологически строго упорядоченных действий, ей не свойственны жесткая запланированность и формализованность, но она опосредована разносторонним комплексом гуманистических мотивов.

Следующий вопрос, являющийся способом формирования алгоритма профессиональной этики политика, – это вопрос о необходимости упорядочения деятельности цеха политиков с помощью таких регулятивов, как хартии, кодексы, конвенции. Приходится констатировать, что еще не выработан документ, представляющий собой корпоративное соглашение политических деятелей, разработанный и принятый с целью содействия их эффективной деятельности. Отчасти эта проблема решается за счет программных установлений тех или иных политических партий, в которых в той или иной форме осуществляется регламентация поли-

тической деятельности. К сожалению, документ типа «Кодекс чести судьи Российской Федерации», «Кодекс врачебной этики Российской Федерации», «Кодекс профессиональной этики российского журналиста» у российских политиков отсутствует. Даже такой документ, как «Кодекс парламентской этики Российской Федерации», остался лишь проектом, согласованным, впрочем, с Правовым управлением Государственной Думы.

По всей видимости, кодекс политика мог бы регулировать отношения между политическими деятелями как представителями различных политических партий, закрепить некоторые основополагающие принципы их деятельности, основанные на уважении многообразия мнений, коллективного обсуждения, установить порядок разрешения конфликтов, возникающих внутри политической корпорации, и меры ответственности за нарушение этических норм и требований. Безусловно, принятие такого документа и неукоснительное следование ему способствовало бы поддержанию значительно пошатнувшегося в последние годы авторитета политика в обществе.

Интересен также вопрос о соотношении профессиональной этики политика и его личной нравственности. Политическая наука не занимается вопросами оценки моральных качеств, присущих тому или иному политическому деятелю как личности. Весьма популярный до Ренессанса жанр «Зеркала князей», содержащий свод великолепных нравственных качеств для наставления молодого поколения, можно признать абсолютно чуждым современности. Нельзя не согласиться с А.С. Панариным, который пишет о том, что «политик может быть добрым или злым, прямодушным или лукавым, щедрым или скупым, сострадательным или жестокосердным – все эти человеческие качества прямого отношения к профессиональной политической этике не имеют» [8, с. 146]. Но означает ли это абсолютную индифферентность вышеперечисленных качеств к механизмам осуществления политики, включая их нормативный компонент? При определенных условиях личностные качества политического деятеля могут стать орудием борьбы за власть и

в этом качестве войти в работу политики. Однако «вхождение» в политику существенно преобразует их: они перестают быть собственно моральными качествами с присущими им атрибутами универсальности, незаинтересованности, безразличия к последствиям. Индивидуальные качества политика становятся составной частью одной партийной стратегии, противостоящей другой.

Такие личностные качества, как воля, ум, целеустремленность, энергия, организаторские способности, порядочность, честность и др., необходимы политику для занятия лидирующих позиций в условиях конкурентной борьбы. Следует отметить, что, как правило, шансы на политический успех дают такие индивидуальные качества, которые не совпадают в точности с психологическими и социальными признаками личности вообще, а имеют превосходящие характеристики. Правда, признание этого обстоятельства не отрицает и того, что политическими лидерами нередко становятся и заурядные личности, не обладающие яркой индивидуальностью.

Высокие интеллектуальные, организаторские и моральные качества являются не только условием занятия лидирующих позиций, но и залогом их сохранения. При этом требования, предъявляемые не только к деловым, но и человеческим качествам политиков, значительно выше, чем те, что предъявляются к рядовым гражданам. Публичность политики, обостренный интерес к ней со стороны общественности предопределяют и завышенные требования к нравственным характеристикам политических деятелей. Нравственные слабости, вызывающие легкое осуждение и снисхождение у рядовых граждан, будучи присущи политикам высокого ранга, вызывают громкие скандалы. Эти скандалы благодаря усилиям конкурентов приобретают явно выраженную политическую окраску; нередко сопровождаются отставками и значительным кадровыми перестановками. Так, в странах развитых демократий некоторые известные политические деятели были вынуждены прекратить политическую карьеру из-за ставших достоянием общественности фактов супружеской невер-

ности, взяточничества и других неблагоприятных поступков.

Политическая деятельность разворачивается, как правило, в рамках больших общностей и затрагивает интересы большого количества людей. Поэтому слишком велика в ней «цена» просчетов и потерь, могущих возникнуть из-за отдельных политиков, в том числе и из-за их личностных качеств. Обще-

ство вправе предъявлять к творцам политики высокие требования и доверять осуществление властных полномочий наиболее компетентным, лучшим, достойным доверия представителям. Политические деятели должны задавать некие стандарты, некие образцы поведения, подавать пример служения отечеству, народу и стремиться к оправданию массовых ожиданий от их деятельности.

Список использованной литературы:

1. Коновалова Л.В. Прикладная этика. М., 1998.
2. Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов / Под ред. В.И. Бакштановского и др. М., 1995.
3. Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии, 1992 Т. 1, №1.
4. Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.
5. Назаров В.Н. Прикладная этика. М., 2005.
6. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Профессиональная этика: социологические ракурсы // Социс, 2005, №8.
7. Bhirhu Parekh. Liberalism and Morality. In: The Morality of Politics. L, 1972.
8. Панарин А.С. Политология. М., 2002.
9. Межуев В.М. Насилие и свобода в политическом контексте // Полис, 2004, №3.
10. Кучуради И. Справедливость – социальная и глобальная // Вопросы философии, 2003, №9.
11. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
12. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1977.
13. Arendt H. Truth and Politics // Arendt H. Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought. Harmondsworth: Penguin, 1993.
14. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии, 2004, №3.
15. Гаман-Голутвина А.Г. О столкновении морального и нравственного начал в российской политике // Полис, 2005, №3.
16. Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип нравственности: опыт концептуальной реконструкции // Вопросы философии, 2005, №8.
17. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.